

СОЦИОЛОГИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОТИВ АРХИТЕКТУРЫ СЕГРЕГАЦИИ

УДК: 72.067.2
ББК: 85.113(2)7

Кияненко Константин Васильевич

доктор архитектуры, профессор,
Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия, e-mail: design@mh.vstu.edu.ru

Аннотация

В социологии города и жилища, градостроительства и архитектуры вопрос о том, разделять или нет в пространстве горожан, имеющих разный социально-имущественный статус – один из центральных и дискуссионных. Поскольку на практике возможны обе стратегии, выбор в пользу одной из них зависит от принятых ценностей, критериев оценки. В статье делается попытка рассмотреть сегрегацию и интеграцию в свете концепции «устойчивости» и ее аксиологического инструментария. Уточняется содержание понятия «устойчивость» в социальном смысле. Исследовано отношение к социально-пространственной сегрегации в зарубежной и отечественной социологии и архитектуре и современной градостроительной практике по критерию устойчивости городского социума. Суммируется оценка каждой из двух стратегий с полярных социально-имущественных позиций, с точки зрения городского сообщества и общества в целом. Рассмотрены планировочные меры по формированию устойчивого интегрированного города и архитектурного комплекса.

Ключевые слова

социально-территориальная сегрегация, социально-имущественное смешивание, устойчивый город

Автор давно задается вопросом: «Насколько уместно, естественно и безобидно для общества, города и архитектуры сначала обозначать горожан и их жилища как принадлежащие "эконом",

"бизнес" и "первому" классам, а затем обособлять их по разным "салонам" или в одном и том же отделять друг от друга стыдливymi занавесками?», – т. е. распределять в пространстве города между поселками «элитного» жилья с одной стороны, кварталами заурядного рыночного с другой и районами более или менее убогого социального с третьей. Возможно, попытка ответить на этот вопрос так никогда и не была бы предана бумаге, не случись одного обстоятельства – вполне официального признания и легитимации неуклюжего жаргона не так давно вступившим в силу сводом правил по градостроительству. Его авторы были так беспечны, что использовали язык самолетов, пароходов и лимузинов в классификации жилищ по уровню комфорта. Да еще добавили от себя недостающие, по их мнению, краски. За жилищем «бизнес-класса» они закрепили эпитет «престижное», видимо, с тем, чтобы окончательно обозначить отрыв этого сегмента от непрестижных – «массового или эконом», «социального» и «специализированного» [1].

Очевидно, что многие коллеги в самом стремлении неразрывно закрепить за каждой общественной стратой жилище соответствующей категории и обособить его в городском пространстве, не усматривают ничего странного, предосудительного и опасного в факте распространения в профессии логики и методологии социально-пространственной сегрегации. И с этим, по мнению автора, нужно что-то делать. Рассмотрим перспективы сегрегированного города под углом зрения его социальной устойчивости.

Только на самых ранних этапах своего становления, т. е. более двадцати лет назад, концепция «устойчивости» имела преимущественно экологическое, природо-, ресурсо-, энергосберегающее содержание. К середине 90-х годов стало окончательно ясно, что

экологическая устойчивость не может быть обеспечена социально и экономически неустойчивым обществом или, подходу к этому с другой стороны и пользуясь формулировкой Ольборгской Хартии развития европейских городов, «социальная справедливость неизбежно должна основываться на экономической устойчивости и равенстве, для чего необходима экологическая устойчивость», а «устойчивая жизнь людей на Земле невозможна без устойчивости местных сообществ» [2]. Нужно ли говорить, что вследствие такого расширения смысла работа архитектора и градопланировщика, озабоченных устойчивостью, радикально преобразуется в свои целях, содержании и в критериях оценки проектных результатов. Не успел отечественный специалист толком присмотреться к «экоархитектуре», как перед ним возникает еще более сложная и смутная задача – понимания и воплощения во всей ее экосоциоэкономической полноте «устойчивой архитектуры».

Цель настоящего исследования – обозначить принципы и черты социально устойчивой архитектуры и города на фоне очевидного крена отечественного средообразования в пользу сегрегационных стратегий. Задачи работы: рассмотреть феномен «социальной устойчивости», его отношения с социально-пространственной сегрегацией; выяснить, как оценивается наукой современное градопланирование в аспекте интеграции/сегрегации; сравнить оценку каждой из двух стратегий разными социально-имущественными стратами и городским сообществом в целом; описать способы создания социально-устойчивой, социально-интегрирующей архитектуры и жилой среды города.

Автор решает поставленные задачи, последовательно двигаясь от идеологических ориентиров, выдвигаемых обществом, к научным позициям в сфере городской социологии и далее к концепциям планировки и архитектуры, от международного «фона» к «фигурам» российского понимания и действия.

Социальная устойчивость vs социально-пространственная сегрегация

В силу многозначности социального оба понятия, ключевые для нашего обсуждения, разными авторами трактуются по-разному.

Официальные документы – от хартий и деклараций ООН до национальных концепций, региональных и муниципальных программ устойчивого развития – понимают социальную устойчивость как некоторое состояние обслуживающей (социальной) инфраструктуры, способствующее достижению желаемого уровня и качества жизни, развития так называемого «человеческого капитала». Искомое свойство в этом смысле укрепляется с расширением доступа населения к качественному образованию и здравоохранению, с ростом безопасности, снятием проблем в сфере демографического воспроизводства, с увеличением продолжительности жизни, с развитием сферы потребления и т. п. Именно так оцениваются социальные аспекты устойчивости российских городов [3].

Социальное как антитеза рыночному, как продиктованное заботой о малоимущих, экономически несамостоятельных, придает устойчивости заметно иную коннотацию, – ту, что улавливается в словосочетаниях «социальное жилище», «социальное обеспечение», «социально ориентированная политика», т. е. не угрожающее положению и перспективам жизни наиболее уязвимых, болезненно чувствительных к любым социально-экономическим катаклизмам категорий населения.

Наконец, в обществоведении социальное понимается как «совокупность тех или иных свойств и особенностей <...> социальных общностей <...> в процессе их совместной деятельности» [4]. Социальная устойчивость в этом отношении есть сплоченность общества и местных сообществ, преобладание интеграционных импульсов над центробежными, разрушающими связанность социального целого и снижающими его способность к воспроизведению и развитию самой социальности. Этот аспект социальной устойчивости применительно к проблематике города и архитектуры менее исследован в современной русскоязычной литературе и радикальнее прочих способен влиять на пространственные

структуры и процессы. Именно в этом месте легче всего перекинуть мост между двумя берегами: устойчивостью социума и организацией пространства. Второе связывается с первым, по нашему мнению, просто и логично: социально-устойчивыми городом, жилой средой, архитектурным объектом, скорее всего, станут те, чья пространственная организация окажется благоприятным контекстом для социальной интеграции. Разумеется, это не более чем предположение, нуждающееся если не в доказательстве, то в аргументации. Она и последует, но сначала – о втором из двух понятий.

По определению В. Вагина, сегрегация – это «пространственное разделение жителей города на основании экономических, социальных, расовых признаков» [5]. П. Антипин образно характеризует это явление как «пространственное отражение» или «проецирование на карту города социальных иерархий и горизонтальных социальных структур» [6]. В качестве синонимов социально-территориальной и городской сегрегации используются понятия сегментации, дифференциации, фрагментации, зонирования, обособления, гомогенизации, исключения, поляризации, расслоения, стратификации, дезинтеграции и некоторые другие.

Теперь можно вернуться к обоснованию сделанного ранее предположения о взаимной связи и обусловленности устойчивости и интеграции. Что говорит в его пользу? Имманентную встроенность установки на социальную интеграцию в обеспечение социальной устойчивости демонстрируют многие документы международных организаций, связанных с ООН и ХАБИТАТ (Комиссией ООН по населенным пунктам). Так, еще в 1976 году, т. е. до появления концепции «устойчивого развития», но в контексте единства экологических, экономических и социальных действий в известной Ванкуверской декларации отмечалось: «Особое значение имеет ликвидация социальной и расовой сегрегации, в частности, с помощью более сбалансированных общин, объединяющих различные социальные группы, профессии, жилье и коммунальные удобства» [7]. Через двадцать лет Стамбульская конференция ХАБИТАТ призывает «всесторонне заняться, в частности, проблемами социальной изоляции в контексте придания городу устойчивости» [8]. В материалах Программы развития ООН (United Nations Development Program – UNDP) говорится: «Устойчивое человеческое развитие – это развитие для людей. <...> Его наивысшим приоритетом является снижение нищеты, эффективная занятость, социальная интеграция и восстановление окружающей среды» [9].

Стратегия, декларируемая на самых высоких уровнях, не может не проецироваться на все остальные. Одно из относительно недавних свидетельств этого – принятая по итогам ЭКСПО 2010 «Шанхайская декларация городов», авторы которой призывают: «Города и их жители должны объединиться вместе, чтобы содействовать устойчивому развитию. <...> Города должны пропагандировать гармоничную и дружественную социальную среду <...>, сокращать социальные барьеры и уменьшать конфликты» [10]. Весьма существенно, что установки на социальное включение (social inclusion), сбалансированные по доходам, расовому составу городские сообщества, стимулирование добрососедства, постепенно спускаясь на все более локальные уровни обсуждения и действия, теперь входят в виде так называемых «индикаторов местной повестки XXI» в конкретные планы и системы оценки действий муниципалитетов во всех странах Евросоюза [11].

Современные город и общество в аспекте интеграции/сегрегации

Как соотносятся декларируемые обществом на всех уровнях ценности интеграции и устойчивости с реальными процессами в современном городе и обществе? Увы, городская социология вполне определена в классификации происходящего как прямой противоположности общественным ожиданиям, т. е. как углубляющейся социально-пространственной сегрегации. Мануэль Кастельс пишет, что в Европе и повсюду в мире «городское пространство все больше дифференцируется в социальном отношении»,

что «элиты формируют свое собственное общество и составляют символически замкнутые общины, окопавшиеся за мощными барьерами цен на недвижимость» [12]. С ним солидарен Зигмунт Бауман, отмечающий повсеместное усиление фрагментации городского пространства, сокращение и исчезновение общественного пространства, распад городских сообществ, разделение и сегрегацию, экстерриториальность новой элиты и территориальность, насильственно навязанную остальным [13]. По мнению Ричарда Сеннета, происходящее объясняется особенностями современного капитализма, который «создает режим поверхностных и отчужденных отношений в городе», что проявляется в меньшей привязанности к городу, в разрушении семьи и общества, в «снижении участия в общественной жизни, безразличии к публичным пространствам, утрате простого человеческого любопытства друг к другу» [14]. На углубляющуюся социальную и пространственную поляризацию города указывают и другие авторитетные зарубежные градovedы, в их числе Саския Сассен, Эдвард Сойя, Ричард Найт [15, 16, 17].

Важно подчеркнуть, что и профессиональное архитектурное сообщество в лице своих национальных и межнациональных объединений начинает осознавать враждебность современного рыночного контекста идеям устойчивости и социально-культурного благополучия. В тексте Туринской декларации Международного союза архитекторов, принятой в 2008 году, есть такой пассаж: «Одни лишь рыночные методы не способны обеспечить поддержание устойчивости и культурного многообразия, являющихся ключевыми факторами устойчивого развития человечества» [18].

Единодушно отмечая нарастание сегрегации в современном городском сообществе, эксперты мирового калибра довольно единодушны и в негативной оценке этого явления, чреватого опасными для общества последствиями. Наиболее очевидны минусы сегрегации для менее имущих, чья концентрация в районах социального или самого дешевого рыночного жилища неизбежно приводит к так называемой сламизации – образованию трущоб: деградации жилищного фонда, невысоким стандартам образования, медицинского обслуживания, досуга и потребления. Рано или поздно это заканчивается ростом асоциального поведения, преступности, наркомании, беспризорности, безработицы, затем – формированием протестных настроений, неуправляемостью и непримиримой конфликтностью населения. Острота этих проблем достигает такого уровня, что уже по этой причине складывается серьезная общественная оппозиция сегрегации. Но исследователи отмечают и определенную склонность к отделению в однородные анклавов самих малоимущих. Причины этого – привлекательность жизни среди представителей национальных меньшинств той же культуры и языка, возможность рассчитывать на выручку и помощь соседей. Кроме того, жизнь рядом с более имущими чревата переживаниями от постоянного вынужденного сравнения собственного невысокого уровня жизни и более благополучного положения тех, кто рядом.

Негативные последствия сегрегации подкарауливают и имущую часть городского населения, которая часто иницирует и активно осуществляет отделение от своих проблемных сограждан. По мнению З. Баумана, главная угроза сегрегации жилых районов и общественных мест, столь коммерчески привлекательная для застройщиков, заключается в том, что, однажды проявившись, она постоянно воспроизводит себя во все расширяющихся масштабах, вызывая социальную и психическую болезнь – «миксофобию». Это «страх перед другими людьми, снижение терпимости к различиям, постоянная тяга к однородности и одинаковости. В результате люди скорее разучатся искусству достижения взаимопонимания и утратят *modus covivendi*» [13]. Как показывает исследование С. Лоу, изолированные островки благополучия или «огражденные сообщества» (*gated communities*) негативно влияют на социальный капитал всего городского сообщества за пределами анклава, они «угрожают открытому доступу к публичным пространствам, создают барьеры для социального взаимодействия, укрепления социальных сетей» [19]. Э. Сойя говорит

о способности сегрегации подрывать основы «социальной синергии» как «социального развития, которое возникает из совместной жизни в более плотных и гетерогенных городских областях» [16]. Поборником городской социальной интеграции была и Джейн Джекобс, которая в «тесно переплетенном разнообразии», «социально и экономически разных способах использования среды» видела «игру городской экономической жизни», возникающую благодаря «плотности и культурной гетерогенности» [цит. по 16, С.134].

Говоря об оценке сегрегации городской социологией, следует отдельно остановиться на российской ее ветви. Здесь более отчетливо, чем в современном зарубежье, формируются две позиции. Первая выражается в признании естественности и неизбежности сегрегации как следствия такого же естественного для рыночного общества социально-имущественного расслоения, заметного стремления людей жить среди подобных себе. За сегрегацией признается важная социальная функция самоидентификации людей в сегментированном обществе. Сторонники этой позиции считают актуализацию рыночных механизмов структурирования городского сообщества и формирование гомогенных анклавов благом и признаком возвращения российских городов в лоно мировой городской цивилизации. Они ожидают дальнейшего развития сегрегационных процессов, придающих, по их мнению, форму городскому социуму и помогающих в преодолении так называемой «статусной инконсистентности» [5, 6, 20, 21].

Адепты второй позиции, если в чем-то и согласны со сторонниками первой, так это в рыночной обусловленности природы сегрегации. Однако, полагают они, из этого обстоятельства вовсе не следует с неизбежностью покорное принятие сегрегации. Один из убежденных ее оппонентов Ольга Вендина считает неизбежным продуктом стратификации рост социального напряжения; этот способ избегания столкновений между полюсами социальной шкалы лишь откладывает моменты открытого проявления конфликтов, но отложенные конфликты еще более разрушительны. Вслед за З. Бауманом и М. Кастельсом О. Вендина указывает на возникновение замкнутого круга: «... чем откровеннее в пространстве города проявляется обособленность социального благополучия, тем острее становится социальный психоз, вызванный страхом соприкосновения с чуждой социальной средой» [22]. К развитию целостного городского сообщества в противовес социально-территориальной его дифференциации, к сохранению проницаемости городской среды для разных социальных групп, против создания замкнутых анклавов как питательного субстрата взаимной нетерпимости призывают члены научного коллектива Института экономики города Г.Ветров, Д.Визгалов, Н.Косарева и др. [23, 24]. В одной из разработанных институтом программ городского развития, говоря о ценовой и территориальной сегрегации, авторы так обозначают свою позицию: «Это естественный процесс, который происходит во многих городах мира, и о качестве жилищной политики городских властей судят по тому, насколько им удастся противостоять данному явлению» [23]. На негативные последствия сегрегации, с которыми общество не должно мириться, указывают и другие исследователи [5, 20].

В оппонировании описанных двух позиций со всей очевидностью проявляются политические пристрастия. Когда либералы от социологии упрекают демократов и кейнсианцев в насилии над правом имущих жить так, как последние хотят и могут, те, устами Вендиной, отвечают им: «... его (общества) устойчивое развитие требует сосредоточения не столько на правах, сколько на соблюдении взаимных обязательств, поддержании общих ценностей, социальных институтов и политики в интересах всех» [25]. Городские власти, к примеру, не должны мириться с естественным процессом обособления мигрантов, если они не хотят межэтнических столкновений, но обязаны искать пути их всестороннего включения в принимающее сообщество. Эта позиция в большей степени соответствует общей интеграционной установке международного сообщества, науке и стратегии устойчивости.

Симпатизирующих каждой из упомянутых двух позиций мы обнаружим и в среде

Таблица 1. Оценка двух социально-пространственных стратегий с разных социально-имущественных позиций

+/-	Оценка	Социально-пространственные стратегии	
		интеграция	сегрегация
+	имуществами	<ul style="list-style-type: none"> * способность поддерживать отношения с людьми разного статуса и достатка; * возможность воспитать детей более подготовленными к жизни за пределами анклава 	<ul style="list-style-type: none"> * безопасность в пределах анклава; сохранность имущества, недвижимости; * психологический комфорт; * возможность поддерживать высокое качество и бытовой комфорт среды; * обеспечение "статусной консистентности"
	малоимуществами	<ul style="list-style-type: none"> * возможность пользоваться ресурсами имущих соседей для поддержания высокого качества среды, уровня развития инфраструктуры; меньшая угроза деградации и маргинализации района проживания; * чувство принадлежности к единому городскому сообществу 	<ul style="list-style-type: none"> * единство культуры, образа жизни, стандартов обитания соседей; * возможность рассчитывать на солидарность и помощь соседей; * облегчение социальной самоидентификации
-	имуществами	<ul style="list-style-type: none"> * снижение стоимости недвижимости из-за непрестижности места; * угроза проявления неприязни, враждебности со стороны малоимущих соседей; * невозможность создать вполне комфортную среду; * трудность психологического приспособления к иным образам жизни, ценностям, культуре 	<ul style="list-style-type: none"> * угроза потери адекватного восприятия реальности, снижение способности эффективно взаимодействовать с горожанами за пределами анклава
	малоимуществами	<ul style="list-style-type: none"> * психологический эффект "относительного неблагополучия" от постоянного сравнения уровней жизни - своего и соседей; * трудность психологического приспособления к иным образам жизни, ценностям, культуре 	<ul style="list-style-type: none"> * низкая самооценка жителей как обитателей "второго сорта"; * низкий уровень всей социальной и инженерной инфраструктуры; * трудно вырваться из порочного круга: "низкий статус - убогая среда - низкий статус..."

архитекторов, что свидетельствует о происходящем процессе идеологического расслоения профессии. Легко и охотно принимают сегрегацию те, кто по своему статусу и доходам сами относятся к весьма благополучным слоям общества. Представители этой части архитектурного цеха с пониманием взирают на стремление своих привилегированных клиентов создавать замкнутые анклавы, чтобы не «наблюдать под своими окнами бомжей и прочих неприятных личностей» [26], на процесс вытеснения к городской периферии или за пределы города тех, кому не по карману дорогая недвижимость [27,28]. Их оппоненты ссылаются на риски сегрегации как инструмента, воспроизводящего бедность, отмечают способность социально гетерогенных жилых образований формировать более устойчивые во времени сообщества, интересуются, «будем ли мы повторять ошибки западных городов, позволивших сформироваться моноэтническим районам <...>, учитывая, что такая ситуация многим чревата» и активно пропагандируют мировой опыт архитектуры интеграции [29, 30, 31].

Возможна ли некая резюмирующая оценка двух стратегий? Как видим, разные общественные силы демонстрируют разное отношение к ним, а значит, и к социальному аспекту устойчивости. Каждая принципиальная установка рекрутирует и сторонников, и оппонентов среди представителей двух полюсов социальной шкалы/ Плюсы и минусы

Таблица 2. Оценка двух социально-пространственных стратегий с позиций городского сообщества и общества в целом

+/-	Социально-пространственные стратегии	
	интеграция	сегрегация
+	<ul style="list-style-type: none"> * сохранение способности разных страт к взаимодействию и взаимопониманию; воспитание солидарности, гражданских чувств; * возможность отслеживать, выявлять и своевременно разрешать назревающие конфликты; * большая экономическая устойчивость, отсутствие необходимости постоянно субсидировать территории малоимущих для поддержания достойного уровня жизни, порядка и стабильности; * возможность использования потенциала гражданских лидеров для социального контроля 	<ul style="list-style-type: none"> * удобство оказания адресной помощи малоимущим
-	<ul style="list-style-type: none"> * дороговизна, длительность и сложность реализации успешных программ социально-имущественной интеграции 	<ul style="list-style-type: none"> * снижение "социального капитала" общества в целом, подрыв "городской синергии", отчуждение и враждебность между социальными стратами, ослабление способности горожан действовать солидарно; * развитие "миксофобских" тенденций в анклавах, как имущих, так и неимущих; * постоянное самовоспроизведение бедности; необходимость непрерывного оказания помощи для поддержания жизнеспособности экономически слабым сообществам, их быстрая деградация и сламизация без такой помощи (т.е. "неустойчивость"); * накопление "отложенных конфликтов", более трудных в разрешении

сегрегации и интеграции представлены в табл. 1. Здесь рассмотрены только имущественные полюсы, хотя оценка сегрегации/интеграции по доходам не полностью совпадает с социально-статусной, этнической, религиозной.

Очевидно, что проблемы связаны и с интеграцией, и с сегрегацией. Они существенны как для тех, кто обласкан рынком, так и для его бесчисленных пасынков. Многие из трудностей усугублены вопиющим социально-имущественным неравенством и расслоением российского общества. Ведь если не иметь в виду пространственной близости банкира и нищего бюджетного пенсионера, заменить последнего школьным учителем, библиотекарем с пока трудно вообразимой достойной зарплатой, то острота многих минусов интеграции существенно сгладится. И все же единая и беспристрастная оценка двух стратегий невозможна. Тем важнее понимать, почему современное цивилизованное общество выступает в поддержку всех форм социально-пространственной интеграции. Краткое резюме его мотивов приводится в табл. 2.

Интегрированный город: политика, планирование, архитектура

Предпочтения власти в отношении интеграции/сегрегации городских сообществ неустойчивы. Это связано, главным образом, с логикой поочередного усиления и ослабления общественных позиций либерально и демократически настроенных политических сил. Так или иначе, но сегодня интеграционная составляющая укрепляется

в мировом градопланировании и архитектуре, несмотря на сопротивление рыночных структур. Российская истовая вера в способность последних «саморегулировать» город и покорная готовность фрагментироваться так далеко, как того потребует рынок, явно этой тенденции оппонируют. В чем причина? Оставим социологам и культурологам ответ на этот вопрос. Мы же коснемся одной важной концепции интегрированного города: социально-имущественного смешивания.

Российским специалистам эта концепция известна, хотя и в сильно усеченном виде. Примерно с конца 1970-х годов в СССР стала модной тема «смешанной застройки». В ее обсуждениях главное социально-имущественное содержание было по понятным причинам выхолощено, и акцентировались типологические и композиционные, лишенные всякой «политики» аспекты объединения на городских территориях жилищ разной этажности и объемно-пространственной структуры. Тогда казалось неактуальным упоминать, что в мировой практике за каждым таким типом закреплены определенные категории домохозяйств – по доходам, демографической структуре, социальному статусу, и суть смешивания заключена вовсе не в структурном богатстве планировок и красоте силуэтов, а в преодолении опасной гомогенности жилых районов. Теперь появляется необходимость присмотреться к данной концепции и практике ее воплощения повнимательнее.

Идея социально-имущественного смешивания (англ. *income and social mix*) воплощает суть современных подходов к созданию устойчивого города, хотя она была впервые выдвинута и опробована еще в середине XIX века в Великобритании [32], а затем существенно реанимирована в 1943–1944 годах английскими же планировщиками города и широко применялась в 1950–1970-е годы по всей Европе и на других континентах. Интерес к смешиванию постоянно осциллировал на протяжении полутора веков и сегодня вновь на подъеме. Суть подхода заключается в целенаправленном расселении более или менее близко друг от друга домохозяйств с разными доходами, социальным статусом, национально-этнической принадлежностью, образом жизни и другими существенными отличиями. История «смешивания», наряду с успехами, изобилует неудачами, демонстрирует трудности и дороговизну достижения социально благоприятных результатов, значимость для успеха тончайших нюансов (кого, с кем, в каких пропорциях, последовательности и как пространственно смешивать). Но проблемы сегрегации для городского сообщества таковы (вспомним Лос-Анджелес 1992 года, Францию 2005 года или Лондон 2011), что интеграции все же отдается предпочтение и эта политика настойчиво реализуется. В результате сложился целый куст понятий, обозначающих ее городские продукты: смешанные, интегрированные, сбалансированные, гетерогенные, включающие жилые районы, соседства, общины, кварталы и жилые комплексы. Количество реализованных и успешных примеров социально-имущественного смешивания сегодня, в середине второго десятилетия XXI века, заметно возрастает. Как же можно в условиях так называемого «свободного» рынка склонить к территориально-пространственному объединению стороны, каждая из которых, особенно имущая, имеет свои резоны этому сопротивляться? И, в частности, – коммерческих застройщиков, явно симпатизирующих одной из сторон?

В основе политики смешивания лежит, как правило, комплекс законодательных, нормативных, административных, налоговых и иных мер. Необходимо подчеркнуть со всей определенностью: без этих мер, не сопровождаемое реальной экономической, культурной, социальной интеграцией, противодействием социально-имущественному расслоению полюсов общественной шкалы, социально-пространственное смешивание способно лишь обострить межгрупповые коллизии. И даже комплексность действий не всегда гарантирует успех. Но практически повсеместно в Европе и Северной Америке действуют специальные законы, подобные Национальному жилищному закону Канады или Закону о справедливом жилище США (*Housing Act, Fair Housing Act*), где смешивание закреплено как один из принципов предоставления жилища. Правильная жилищная политика,

Рис.1а. Социально-интегрированный квартал Navy Green, Нью-Йорк, 2012.
 Источник: <http://images.frompo.com/0af7283e88f050057e2fbc59e50c386e>

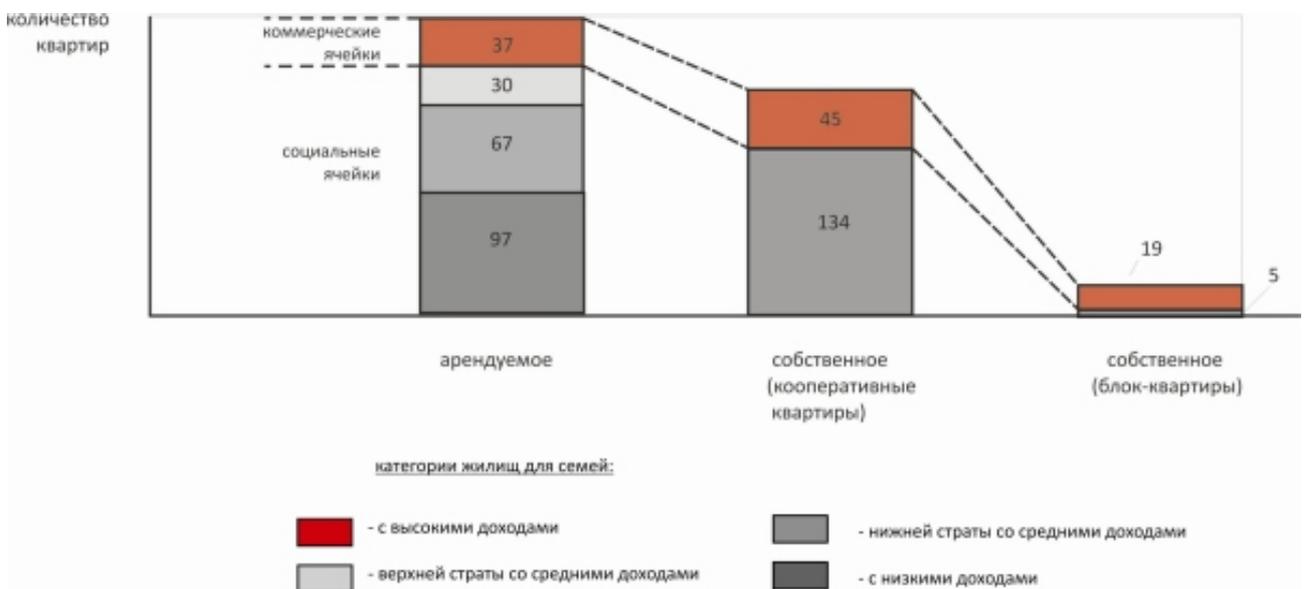

Рис. 16. Баланс жилищ разного социального статуса и форм предоставления. Сост. Н.В. Кияненко

нацеленная на преодоление барьеров между коммерческой и социальной подсистемами рынка, между людьми разных культур, религий, физических возможностей, вообще имеет первостепенное значение для создания интегрированной жилой среды. Она подразумевает, в частности, доступность свободного рынка для «очередников» и доступность субсидий для широкого имущественного спектра домохозяйств. Это становится возможным, например, в американской программе «арендной доплаты» (Section 8 Rental Assistance), по которой семье-очереднику с помощью ваучеров помогают арендовать квартиру у рыночного лэндлорда.

Правильная политика градопланирования стимулирует или попросту обязывает любого застройщика на любом по форме собственности участке предусматривать некоторую долю жилищ, экономически доступных для домохозяйств с невысокими доходами. Так действует американская система «бонусов плотности» (density bonus): девелоперам, согласившимся встроить в проект определенное количество квартир или домов экономически посильного жилища, местные власти разрешают повысить законодательно ограниченный предел плотности застройки и тем самым компенсировать понесенные убытки. В кантоне Женевы, в Швейцарии, действует требование, обязывающее застройщика от четверти до половины всех строящихся квартир предусматривать по стоимости доступного общественного жилья [33]. Специальные меры по «деконцентрации» бедности принимаются в программах реконструкции городской застройки, особенно – деградированных районов социального жилища. Так, американская программа HOPE VI, повлиявшая на подходы во многих странах мира, предусматривает сочетание ваучеров для переездов части малоимущих в более благополучные районы с приватизацией и новым строительством на данной территории, привлекающим сюда семьи с относительно высокими доходами.

Насколько значима профессиональная роль архитектора и градопланировщика в осуществлении стратегий социально-имущественного смешивания? Как полагает З. Бауман, «архитекторы и специалисты по городскому планированию способны многое сделать для того, чтобы увеличить миксофилию и минимизировать случаи миксофобских ответов на вызовы городской жизни» [34].

Вклад профессионалов может быть многообразным. Ими разрабатываются новые доктрины освоения территорий и формирования поселений, в той или иной мере воплощающие идею смешивания. Таковы концепции разумного роста (Smart Growth), Нового урбанизма (New Urbanism) и развития, ориентированного на общественный транспорт (Transit Oriented Development). В Канаде совсем недавно построен «смешанный» жилой район Дон Маунт Коурт (Торонто), в США – район Стэплтон (Денвер). С 2010 года ведётся застройка «смешанного по доходам» жилого комплекса Нэйви Грин в Нью-Йорке (рис. 1).

Этот прямоугольный квартал площадью 1,26 га охвачен простым контуром зданий, адресованных самым разным по имущественному положению семьям. 22% всех квартир предназначены откровенно бедным семьям. Большая часть жилищ (40%) отводится чуть менее нуждающимся семьям, с доходами до 60% от медианного для зоны Нью-Йорка. За семьями с доходами от 80% до 130% медианного уровня зарезервировано 23% жилищ. Все эти категории получают в разной форме помощь в оплате их жилищных расходов. Наконец, 16% всех жилищ квартала предназначены для свободной рыночной продажи. Переводя разговор на язык архитектурных типов, квартал сформирован четырьмя секционными домами и двадцатью тремя таунхаузами, в том числе один 12-этажный секционный дом предназначен для субсидируемой аренды, а другой – для регулируемой по стоимости и свободной продажи квартир. Одно восьмизэтажное точечное здание предлагает студии и квартиры от двух- до четырёхкомнатных для аренды семьями с низкими доходами. Второе такое же содержит 98 квартир для недавних бездомных, матерей-одиночек, престарелых, инвалидов и сервисную инфраструктуру для них – медицинские услуги, детский сад, центр профпереподготовки. Трехэтажные таунхаузы продаются по свободной рыночной стоимости. В центре квартала – благоустроенный двор, призванный служить объединяющим пространством для всех категорий семей.

Другой известный пример «жилища, смешанного по доходам» (англ. mixed income housing) – многофункциональный комплекс Woodward's в канадском Ванкувере (рис.2).

Это еще меньший по размеру квартал – площадью 0,94 га, расположенный в центре города. Он застроен четырьмя многофункциональными и социально-интегрированными зданиями. Исторический корпус бывшего универмага сочетает

Рис. 2а. Социально-интегрированный комплекс Woodward's, Ванкувер, 2010.
 Источник: <http://uli.org/case-study/woodwards/>

Рис. 2б. План комплекса в уровне земли с экспликацией основных функций корпусов. Источник: <http://uli.org/case-study/woodwards/>

розничную торговлю (первый этаж), городские бесприбыльные офисы (2–5 этажи) и коммерческий детский сад над офисами (6–7 этажи). Второй корпус состоит из якорной торговли в уровне земли, Школы современного искусства местного университета над нею и 125 квартир-студий социального жилища на 6–12 этажах. «Пирог» соседней башни собран из торговли, коммерческих офисов, 75 нерыночных квартир (5–11 этажи) и рыночного семейного жилища (12–27 этажи). Хотя социальные и коммерческое жилища находятся друг над другом, они имеют отдельные входы, вестибюли, лестницы, лифты и подземные паркинги. Последнее здание квартала – башня в сорок этажей – преимущественно дорогие рыночные квартиры, но и здесь на 3–6 этажах приютились квартиры для инвалидов и престарелых. Все эти разные функции и люди собраны вокруг крытого атриума – публичной пятачки в центре квартала. Примеры из Северной Америки особенно красноречивы, ведь это оплот самого либерального рынка недвижимости.

Тем временем, архитекторы Европы разрабатывают настолько высокие стандарты качества социального жилища, что они оказываются привлекательными и для многих клиентов свободного рынка. Создаются специальные формы жилых зданий смешанного типа, подобно категории НМ в Швейцарии, включающей и дотируемые, и рыночные ячейки. Известен спроектированный Р. Эрскиным в Великобритании комплекс жилищ, смешанных по доходам (*income-mixed housing*) – Миллениум Вилледж (Лондон). В Ирландии в 2013 году закончили реконструкцию смешанного района Баллимун (Дублин), а в Голландии на принципах интеграции созданы, помимо прочего, город Алмире и район Каттенбрю (Аммерсфорт).

Знакомство со многими архитектурными и планировочными примерами позволяет автору суммировать некоторые ключевые качества объемно-планировочных социально-интегрированных решений, обладающих высокой степенью смешанности и устойчивости. Вот они:

- разумная открытость и доступность жилых образований для города, избегание замкнутых анклавов, прозрачность пространственной организации, встраивание объектов в систему городских связей, интеграция городских компонентов в их общественное ядро, особенно в многофункциональных комплексах центрального района города;

- гетерогенность социально-имущественных и функциональных программ, стремление моделировать на любом градостроительном уровне богатство и разнообразие города в целом (см. пример Woodward's);

- переход от крупноразмерного «макросмешивания» группами на уровне городского района 60–70-х годов к «микросмешиванию» домами в 80–90-е годы XX века и к «наносмешиванию» сегодня, когда объединяются разнородные этажи и жилые ячейки в пределах дома, лестничной площадки или ряда блокированной застройки;

- демократичность средообразования, уже превратившаяся из маргинального чудачества в правило, разработка проектных заданий и проектов с привлечением местных сообществ наряду с профессиональными проектировщиками, муниципальными властями, коммерческими застройщиками и бесприбыльными частными структурами (третьим сектором);

- развитие и обеспечение жизнеспособности, функциональной насыщенности и социального разнообразия общественных пространств;

- наделение объектов недвижимости ресурсами для саморазвития, обновления, обогащения социальных и функциональных программ с течением времени без внешнего санкционирования и вмешательства, за счет следования принципам современной «архитектуры, основанной на времени».

Выводы

Затронутая тема сложна и обширна, автор не возьмется утверждать, что все ее основные аспекты даже просто упомянуты. Но и сказанное позволяет сделать три важных вывода.

1. Постоянно порождаемая рынком, человеческим равнодушием, невежеством и высокомерием социально-пространственная сегрегация – слишком сомнительное достижение капитализма ли, глобализации ли, постиндустриальности ли, чтобы возлагать на нее надежды и бездумно ей следовать. Это тупиковый путь, с точки зрения как устойчивости общества, так и перспектив развития удобного для жизни и безопасного города. Одна из форм самопроявления сегрегации – однородные «престижные» социально-имущественные анклавы, столь любимые новой российской «элитой», некоторыми архитекторами и планировщиками, решают все значимые для людей проблемы лишь временно, консервируя отложенные столкновения. Ситуация очень напоминает по своим возможным последствиям складирование ядерных отходов на Новой Земле. Полвека назад это казалось кое-кому отличной идеей.

2. Социально благоприятные пространственные решения характерны открытостью, гетерогенностью, мелкодисперсностью смешивания, демократичностью процесса разработки и осуществления, способностью легко и спонтанно меняться со временем, не беспокоя бюрократов по части разрешений и согласований. Социально-имущественное смешивание, в отличие от сегрегации, не складывается само по себе, а требует гуманной политики, настойчивых и терпеливых, грамотных и очень профессиональных действий от городских властей, планировщиков и архитекторов, их твердой этической позиции, а также просвещенности населения и рыночных акторов. Ни одно из этих требований не обеспечивается в современном российском городе. Академически-педагогическое сообщество в состоянии изменить в этом немного, но, по крайней мере, совершенствовать образование архитекторов и планировщиков в нужном направлении оно может.

3. Сам архитектор не является ключевой фигурой, определяющей каким быть городу – конгломератом ослепляющих роскошью феодальных крепостей и нищих предместий или устойчивым и интегрированным целым – это удел политиков, администраций, горожан в их, по Аристотелю, единстве и непохожести. Но архитектор не обязательно должен быть и простым исполнителем воли спекулятивного рынка и небескорыстной власти. Важнейшие ориентиры для развития города современного цивилизованного общества им, этим обществом, вполне ясно обозначены. А придерживаться их или нет – во многом остается делом совести и ответственности каждого профессионала.

Библиография

1. Свод правил СП42.1330.2011. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. – Введ. 2011–20-05. – М.: Минрегион России, 2010. – С.9.
2. Города Европы на пути к устойчивому развитию (Ольборгская хартия). – Ольборг, Дания, 1994. – С.2 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ecology.donbass.com/articles-pdf/aalborgcharter_russian.pdf
3. Менова, Н.Ф. Социальные аспекты устойчивости развития городов [Электронный ресурс] / Н.Ф. Менова // Налоги. Инновации. Капитал. – 2006. – № 1–3. – URL: <http://nic.pirit.info/200607/136.htm>
4. Горбунова, М.Ю. Общая социология. Конспект лекций. – М.: Эксмо, 2008 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269052822
5. Вагин, В.В. Городская социология. Учебное пособие для муниципальных управляющих [Электронный ресурс] / В.В. Вагин.– М.: Московский общественный научный фонд. – 2000. – 167 с. – URL: <http://refdb.ru/look/2559656-pall.html>
6. Антипин, П.В. Особенности социального зонирования городского пространства

Перми / П.В. Антипин // Российское городское пространство: попытка осмысления: сб. статей. – М.: Московский общественный научный фонд. – 2000. – С.79.

7. The Vancouver Declaration on Human Settlements. – United Nations Conference on Human Settlements. Vancouver, Canada. – 1976, p. 6. [Электронный ресурс]. – URL: http://ww2.unhabitat.org/declarations/The_Vancouver_Declaration.pdf

8. Стамбульская декларация по населенным пунктам. – Стамбул, Турция: ООН/ХАБИТАТ. – С. 7–8. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unhabitat.ru/assets/files/publication/sd.pdf>

9. Гнатюк, В.С. «Устойчивость социального развития»: к вопросу об определении понятия / В.С. Гнатюк // Успехи современного естествознания. – 2010. – №9. – С. 231.

10. Шанхайская декларация. Всемирная выставка ЭКСПО-2010. Шанхай, 31 октября 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusdb.ru/shanghai_decl

11. Сивограков, О.В. Индикаторы устойчивого развития местного сообщества (Как оценить результаты местной повестки 21). – Минск: ПроPILEI, 2008. – 92 с. [Электронный ресурс] / О.В. Сивограков – URL: http://ibb.by/sites/default/files/ur5-ndikatoren_buch.pdf

12. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. Под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php

13. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества; пер. с англ. / З. Бауман – М.: Весь Мир, 2004 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.diplomplus.ru/doc/stat/bauman.pdf>

14. Сеннет, Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие / Р. Сеннет // Логос. – 2008. – 101.

15. Сассен, С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки / С. Сассен // Прогнозис. – 2005. - № 4. [Электронный ресурс]. – URL: <http://refrend.ru/637881.html>

16. Сассен, С. Как писать о городе сточки зрения пространства? / С. Сассен // Логос. – 2008. – №3. – С.130-144. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/07.pdf

17. Найт, Р. Устойчивое развитие – устойчивые города / Р. Найт // Международный журнал социальных наук. – 1993. – № 2. – С. 43–69.

18. Туринская декларация по устойчивости и культурному разнообразию. – Турин: МСА, 2008. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.archinfo.ru/publications/item/410/>

19. Low, S. The Edge and the Center: Gated Communities and the Discourse of Urban Fear // American Anthropologist. – 2001. – Vol.103. – No.1. – pp. 45-58. [Электронный ресурс]. – URL: http://homepages.uni-tuebingen.de/schamma.schahadat/Intimitaetsprojekt/Nachbarschaft%20Texte/low_edgeandcenter.pdf

20. Бляхер, Л. Пространственная сегрегация г. Хабаровска: теоретико-методологические этюды / Л. Бляхер // Российское городское пространство: попытка осмысления: сб. статей. – М.: Московский общественный научный фонд. – 2000. – С. 58–77.

21. Чешкова, А. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации / М. Чешкова // Российское городское пространство: попытка осмысления: сб. статей. – М.: Московский общественный научный фонд. – 2000. – С. 13 – 38.

22. Вендина, О. Могут ли в Москве возникнуть этнические анклав? / О. Ведин // Вестник общественного мнения. – 2004. – № 3. – С. 9–10.

23. Программа экономического развития Москвы. Гл. V. Финансовые механизмы обеспечения доступности жилья вместо ценовой и территориальной сегрегации жилищного рынка. – М.: ИЭГ, 2003 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.urbanecconomics.ru/projects/?mat_id=12&page_id=38

24. Ветров, Г.Ю. Российская урбанизация на перепутье: к «Городу-саду» или в

«город-огород»? Сценарии развития российских городов/ Г.Ю. Ветров, Н.Б. Косарева, М.И. Либоракина и др. – М.: ИЭГ, 2001. [Электронный ресурс]. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/vetrov_rossurbannaper/

25. Вендина, О. Реквием по общественным пространствам Москвы / О. Вендина // Архитектурный вестник. – 2008. - № 2. [Электронный ресурс]. – URL: <http://archvestnik.ru/ru/magazine/av-2-101-2008/rekviem-po-obshchestvennym-prostranstvam-moskvy>

26. Москва в точке перехода. Анкета «АВ». На вопросы редакции отвечает руководитель архитектурной мастерской «АВД architects» Б.В. Левянт // Архитектурный вестник. – 2010. – №2.

27. Москва в точке перехода. Анкета «АВ». На вопросы редакции отвечает президент фонда «Градостроительные реформы» А.А. Высоковский // Архитектурный вестник. – 2010. – № 5.

28. Москва в точке перехода. Анкета «АВ». На вопросы редакции отвечает руководитель архитектурной мастерской Владимир Юдинцев // Архитектурный вестник. – 2010. – № 6.

29. Овсянников, В. В рамках концептуального проекта «Живая Земля» (социальные обоснования и принципы организации). Раздел 2. Основные социально-функциональные модели и требования к пространственной организации новых жилых образований. Сайт Экспертного совета при Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusdb.ru/project/library/jivaya_zemlya/2/

30. Возможности и варианты преодоления социальной сегрегации «новых горожан». Сайт Экспертного совета при Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusdb.ru/gorod/report/4-5-3/>

31. Глазычев, В.Л. Политическая экономия города: Учеб. пособие / В.Л. Глазычев. – М.: Дело, АНХ, 2009. – 192 с.

32. August, M. Social Mix and Canadian Public Housing Redevelopment: Experiences in Toronto // Canadian Journal of Urban Research. – 2008. – June 22. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thefreelibrary.com/Social+mix+and+Canadian+public+housing+redevelopment%3a+experiences+in+...-a0185031907>

33. Крамкова, Т.В. Строительство жилья и жилищная политика Швейцарии / Т.В. Крамкова // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. – 2009. – № 4. – С. 72.

34. Бауман, З. Город страхов, город надежд / З. Бауман // Логос. – 2008. – № 3. – С. 49. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/02.pdf

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция — На тех же условиях») 4.0 Всемирная.

Кияненко Константин Васильевич
доктор архитектуры, профессор,
Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия, e-mail: design@mh.vstu.edu.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2014
Электронная версия доступна по адресу: http://archvuz.ru/2015_1/3

© К.В. Кияненко 2015

© УралГАХА 2015

MAGINTUDE OF SCALE IN ARCHITECTURE AS A SYSTEM: EVOLUTION OF THE CONCEPT

Kiyanenko Konstantin V.

Doctor of Architecture, Professor,
Vologda State University
Vologda, Russia, e-mail: design@mh.vstu.edu.ru

ABSTRACT

In the sociology of the city, housing, urban planning and architecture, the question of whether residents with differing income and property levels should be separated is one of the central and debatable issues. Since both strategies are possible in practice, the choice in favour of one of them depends on actual values and criteria of evaluation. The article makes an attempt to consider segregation and integration in the light of the concept of "sustainability" and its axiological toolkit. The concept of "sustainability" is extended to include social meanings. The attitude toward social spatial segregation is examined in the context of international and national sociology, architecture, and modern-day planning practice against the criterion of sustainability of urban communities. Each of these two strategies is evaluated from the opposing standpoints associated with social status and income level and related to urban communities and society as a whole. Planning actions to produce a sustainable integrated city and architectural complex are considered.

KEY WORDS

socio-territorial segregation, social and property-status mix, sustainable city

References

1. Regulations CII 42.1330.2011. (2010) Urban Planning. Planning and Construction of Urban and Rural Settlements. Introduction 2011–20-05. Moscow: Minregion Rossii (in Russian)
2. Charter of European Cities and Towns Towards Sustainability (Aalborg Charter). Aalborg, Denmark, 1994. [online]. Available from: http://www.ecology.donbass.com/articles-pdf/aalborgcharter_russian.pdf (in Russian)
3. Menova, N.F. (2006) Social Aspects of Sustainable Development of Cities [online] Taxes. Innovation. Capital. No. 1–3. Available from: <http://nic.pirit.info/200607/136.htm> (in Russian)
4. Gorbunova, M.Yu. (2008) General Sociology. Moscow: Эксмо [online]. Available from: http://www.gramotey.com/?open_file=1269052822 (in Russian)
5. Vagin, V.V. (2000) Sociology of the City. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation [online] Available from: <http://refdb.ru/look/2559656-pall.html> (in Russian)
6. Antipin, P.V. (2000) Specific Features of Social Zoning of Perm Urban Space. In: Russian Urban Space. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation (in Russian)
7. The Vancouver Declaration on Human Settlements. United Nations Conference on Human Settlements. Vancouver, Canada. 1976 [online]. Available from: http://ww2.unhabitat.org/declarations/The_Vancouver_Declaration.pdf (in Russian)
8. The Istanbul Declaration on Human Settlements. Istanbul, Turkey: UN-HABITAT. [online]. Available from: <http://www.unhabitat.ru/assets/files/publication/sd.pdf> (in Russian)
9. Gnatyuk, V.S. (2010) «Sustainability of Social Development»: Towards the Definition of the Concept. Advances in Current Natural Sciences, No.9. (in Russian)
10. Shanghai Declaration. World Expo 2010. Shanghai, 31 October 2010. [online]. Available from: http://www.rusdb.ru/shanghai_decl (in Russian)
11. Sivogrov, O.V. (2008) Indicators of Sustainable Development of a Local Community (How to assess the outcomes of a local agenda 21). Minsk: Propylea [online] Available from: http://ibb.by/sites/default/files/ur5-ndikatoren_buch.pdf (in Russian)

-
12. Castells, M. (2000) *The Information Age: Economy, Society, Culture*. Translation from English ed. by O.I. Shkaratan. Moscow: Higher School of Economics [online]. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/index.php (in Russian)
 13. Bauman, Z. (2004) *Globalization. The Human Consequences*. Translated from English by M.L.Korobochkin. Moscow: Ves' Mir [online]. Available from: <http://www.diplomplus.ru/doc/stat/bauman.pdf> (in Russian)
 14. Sennet, R. (2008) *Capitalism and the City: Globalisation, Flexibility and Indifference*. Logos 3 (66) (in Russian)
 15. Sassen, S. (2005) *Global Cities: Postindustrial Production Sites*. Prognosis, No. 4. [online]. Available from: <http://reftrend.ru/637881.html> (in Russian)
 16. Sassen, S. (2008) *Writing the City Spatially*. Logos. No. 3. [online]. Available from: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/07.pdf (in Russian)
 17. Knight, R. (1993) *Sustainable Development: Sustainable Cities*. International Social Science Journal. No. 2. P.43-69 (in Russian)
 18. *Torino Declaration on Sustainability and Cultural Diversity*. (2008) Torino: UIA. [online]. Available from: <http://www.archinfo.ru/publications/item/410/> (in Russian)
 19. Low, S. (2001) *The Edge and the Center: Gated Communities and the Discourse of Urban Fear*. American Anthropologist. Vol.103. No.1. [online]. P. 45-58. Available from: <http://homepages.uni-tuebingen.de/schamma.schahadat/Intimitaetsprojekt/N...>
 20. Blyakher, L. (2000) *Spatial Segregation of Khabarovsk: Theoretico-Methodological Essays*. In: *Russian Urban Space*. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation (in Russian)
 21. Cheshkova, A. (2000) *Methodological Approaches to Studying Urban Spatial Segregation*. In: *Russian Urban Space*. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation (in Russian)
 22. Vendina, O. (2004) *Could Ethnic Enclaves Emerge in Moscow?* Vestnik obshchestvennogo mneniya. No. 3 (in Russian)
 23. *Programme of Economic Development of Moscow*. Ch. V. *Financial Mechanisms for Ensuring the Accessibility of Housing Instead of Price and Territorial Segregation of the Housing Market*. (2003) Moscow: IEG [online]. Available from: http://www.urbanomics.ru/projects/?mat_id=12&page_id=38 (in Russian)
 24. Vetrov, G.Yu. (2001) *Russian Urbanisation on the Crossroads: Towards a «Garden City» or Towards a «Vegetable Garden City»? Scenarios of Development for Russian Cities*. Moscow: IEG. Available from: http://sbiblio.com/biblio/archive/vetrov_rossurbannaper/ (in Russian)
 25. Vendina, O. (2008) *A Requiem to Public Spaces of Moscow*. Arkhitekturny Vestnik. No. 2. [online]. Available from: <http://archvestnik.ru/ru/magazine/av-2-101-2008/rekvem-po-obshchestvenn...> (in Russian)
 26. *Moscow at a Breakeven Point*. «AV» Survey. The editors interview B.V.Levyant, Head, АВД Architects. Arkhitekturny Vestnik. 2010. No. 2 (in Russian)
 27. *Moscow at a Breakeven Point*. «AV» Survey. The editors interview A.A.Vysokovsky, President, «Urban Planning Reforms» Foundation. Arkhitekturny Vestnik. 2010. No. 5 (in Russian)
 28. *Moscow at a Breakeven Point*. «AV» Survey. The editors interview Vladimir Yudintsev, Head, ARTE+ architecture consultancy. Arkhitekturny Vestnik. 2010. No. 6 (in Russian)
 29. Ovsyannikov, V. *Conceptual project «Living Earth» (social background and organization principles)*. Section 2. *Basic socio-functional models and requirements concerning spatial organization of new residential estates*. Web-site of the Panel of Experts of the President of the Russian Federation for Realisation of Priority National Projects and Demographic Policy [online]. Available from: http://www.rusdb.ru/project/library/jivaya_zemlya/2/ (in Russian)
 30. *Possibilities and variants of overcoming social segregation of «new citizens»*. Web-site of the Panel of Experts of the President of the Russian Federation for Realisation of Priority National Projects and Demographic Policy [online]. Available from: <http://www.rusdb.ru/gorod/report/4-5-3/> (in Russian)

31. Glazychev, V.L. (2009) Political Economy of the City. Moscow: Delo, ANH (in Russian)
32. August, M. (2008) Social Mix and Canadian Public Housing Redevelopment: Experiences in Toronto. Canadian Journal of Urban Research. June 22. [online]. Available from: <http://www.thefreelibrary.com/Social+mix+and+Canadian+public+housing+red...>
33. Kramkova, T.V. (2009) Construction of Housing and Housing Policy in Switzerland. Property and Investments. Legal Regulation. No. 4 (in Russian)
34. Bauman, Z. (2008) City of Fears, City of Hopes. Logos. No. 3. [online]. Available from: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/02.pdf (in Russian)

Article submitted 12.01.2014

The online version of this article can be found at: http://archvuz.ru/2015_1/3

© K.V. Kiyanenko 2015

© USAAA 2015